

В. Л. Янин

Денежно-весовые системы
домонгольской Руси
и очерки истории
денежной системы
средневекового Новгорода

Валентин Янин

**Денежно-весовые системы
домонгольской Руси и очерки
истории денежной системы
средневекового Новгорода**

«Языки Славянской Культуры»

2009

Янин В. Л.

Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода / В. Л. Янин — «Языки Славянской Культуры», 2009

Книга посвящена исследованию денежного обращения Древней Руси в средневековую эпоху. Первую часть издания составляет монография «Денежно-весовые системы русского средневековья», опубликованная в 1956 г. и давно ставшая библиографической редкостью. Во второй части собраны статьи, отражающие историю и процессы формирования и развития денежной системы Новгорода в X–XIV вв., а также организацию новгородского монетного чекана в XV–XVII вв. Книга предназначена для нумизматов, историков, археологов и всех интересующихся нумизматикой. В оформлении переплета использован клад монет новгородской чеканки первой половины XV в., найденный в Новгороде весной 2008 г. (фото С. В. Трояновского)

© Янин В. Л., 2009

© Языки Славянской Культуры, 2009

Содержание

От автора	5
Денежно-весовые системы домонгольской Руси	7
Предисловие	7
Глава I	9
Глава II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валентин Лаврентьевич Янин

Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода

*Памяти моего учителя в нумизматике – Ивана Георгиевича
Спасского*

От автора

Нумизматикой я был увлечен с детства. Собирал монеты разных стран и времен. Сочувствуя моему увлечению, мама приобрела для меня у престарелого собирателя коллекцию древнегреческих и римских монет. Еще до войны я был связан с Историческим музеем, занимаясь в школьном кружке, а сразу после войны стал постоянным посетителем отдела нумизматики, передав в него свою коллекцию. Я был очень доволен тем, что некоторые экземпляры в ней оказались лучшей сохранности, чем экземпляры отдела. Первым моим руководителем стал заведующий отделом Исторического музея Александр Александрович Сиверс, человек со сложной судьбой, которому я обязан многими жизненными уроками. В 1946 г. я поступил на Исторический факультет Московского университета, на собеседовании с тогдашним деканом Михаилом Николаевичем Тихомировым отвечая на вопрос: «почему я интересуюсь нумизматикой», сказал: «меня интересуют монеты, как источник знания о прошлом».

Выбор темы сначала курсовых, потом дипломной работы привел меня в Эрмитаж, где во время продолжительных командировок настоящим моим научным руководителем стал Иван Георгиевич Спаский. Ему я обязан очень многим, в частности – редактированием моей первой монографии «Денежно-весовые системы русского средневековья», рукопись которой была защищена в 1954 г. в качестве кандидатской диссертации.

Между тем, уже в 1947 г., после окончания первого курса, я и мои ближайшие друзья, увлеченные лекциями Артемия Владимировича Арциховского, отправились в Новгород на возглавляемые им раскопки, участие в которых я считаю своим вторым днем рождения, поскольку они определили мой дальнейший жизненный путь, связав навсегда мою судьбу со средневековым Новгородом.

Вот уже шестьдесят лет, как я не расстаюсь с историей этого великого города, изучая его институты власти, размышляя о хитросплетениях боярской борьбы и взаимоотношениях Новгорода с приглашаемыми в него князьями. Тема нумизматики постепенно отошла на задний план, а сюжеты нумизматических исследований также замкнулись на материале Новгорода, достаточно сложном и дискуссионном. Новгород с начала своего существования был тесно связан путями международной торговли с востоком и западом, откуда на его территорию поступали материалы монетного обращения. Поначалу в нем бытовали восточные дирхемы, затем их сменили западноевропейские денарии. На протяжении безмонетного периода XII—XIV вв. роль разменной монеты выполняли шиферные пряслица, а крупных единиц – слитки серебра. В XV в. началась чеканка собственной монеты.

Настоящее издание состоит из двух частей. Первую часть составляет монография «Денежно-весовые системы русского средневековья», опубликованная в 1956 г. Она давно уже стала библиографической редкостью, тем более, что ее 10-тысячный тираж, как не нашедший должного спроса, был почти полностью уничтожен издательством. На первых порах эта книга

вызвала различные, порой критические оценки. Однако в недавнее время она была оценена «как классика историографии предмета».¹

Вторая часть состоит из цикла очерков, отражающих историю денежного обращения X—XIV вв. и монетного чекана XV—XVII вв. в Новгороде. Эти очерки в свое время публиковались в разных журналах и сборниках и мало доступны современному читателю. Возможно, что собранные вместе, они помогут ему ориентироваться в достаточно сложном процессе истории средневекового денежного обращения Великого Новгорода.

Новгород, июль 2007 г.

¹ Кистерев С. Н. Русское денежное обращение в трудах В. Л. Янина. М.: Изд-во «Древлехранище», 2004. С. 6.

Денежно-весовые системы домонгольской Руси

Предисловие

Вопросы, связанные с историей древнерусских денежных систем, составляют существенную часть проблематики денежного обращения русского средневековья. Степень развития денежно-весовых систем отражает состояние денежного обращения вообще и, в первую очередь, состояние внутреннего денежного обращения. Существовала ли в домонгольское время на всей территории древней Руси единая денежно-весовая система или было несколько локальных систем, были ли эти системы заимствованы извне или они образовались в результате самостоятельного метрологического творчества восточных славян, наконец, сложились ли эти системы сразу или развивались постепенно – такие вопросы, возникающие перед исследователем денежно-весовой метрологии домонгольской Руси, в своем решении проливают свет на основные проблемы истории русской средневековой экономики.

Проблематика древнерусского денежного обращения является по существу проблематикой древнерусского товарного обращения, ибо история денежного обращения может существовать только как история товарно-денежного обращения. Поставленные выше вопросы могут быть сформулированы и иначе: преобладала ли в домонгольской Руси система общерусских экономических связей в сфере товарно-денежного обращения, или эти связи были локально замкнутыми; в какой степени внутреннее экономическое развитие Древней Руси определялось внешнеторговым фактором; насколько интенсивным было развитие внутрирусской торговли?

В нашей исторической литературе до сих пор не существует полного единства мнений по этим и многим другим, затронутым в настоящем исследовании вопросам. Случайность и неполнота письменных источников, а для VIII–X вв. фактическое их отсутствие чрезвычайно затрудняют изучение экономики Древней Руси. Археологические памятники, изучение которых широко развернулось в последние годы, в значительной степени восполняют недостаток письменных источников, но и их пока недостаточно. Различная сохранность археологических материалов, относящихся к разным районам или к разным периодам, несоизмеримость масштабов археологических работ в разных пунктах, сильнейшее отставание в изучении деревни – все эти обстоятельства дают в руки исследователя русской средневековой экономики весьма неравноценный материал.

Однако дискуссионность многих проблем древнерусской экономики определяется не только неполнотой материалов указанного выше рода. Существенным недостатком в подходе к изучению товарного обращения Древней Руси является забвение или в лучшем случае очень поверхностное использование того богатейшего материала, который по праву должен занимать основное место, – многочисленных остатков самого товарного обращения, т. е. монет и слитков, обслуживавших торговлю Древней Руси.

Значение нумизматических материалов для решения важнейших проблем истории древнерусского народного хозяйства определяется не только тем, что те или иные монеты непосредственно участвовали в товарно-денежном обращении. Монеты и клады монет особенно ценны тем, что могут наиболее правильно отразить особенности этого обращения в разные периоды и в разных районах.

Монетные клады никогда не были и не могут быть предметом специальных научных поисков. Случайно обнаруживаемые, они, тем не менее, дают основу для случайных выводов только тогда, когда рассматривается единичный клад или единичная находка. Но сравнительное изучение ряда кладов дает основу уже для методически правильных выводов, а изучение широкой совокупности кладов позволяет восстановить картину древней экономики. При мас-

совости находок сама случайность их обнаружения превращается в достоинство. Имея в руках сотни монетных находок из одного района и единицы из другого, или множество кладов одного периода и только единичные клады другого периода, исследователь может судить о территориальных или хронологических закономерностях обращения монеты. Случайность находок в таких случаях является отражением действительных закономерностей обращения, а их материал дает наиболее объективную картину товарно-денежного обращения древности.

Нумизматический материал чрезвычайно красноречив. Сложность монеты как объекта исследования кажется сложностью клубка, в котором переплетаются нити самых разнообразных исторических элементов. Историки и искусствоведы, метрологи и историки техники, экономисты и палеографы уже не один десяток лет успешно распутывают этот клубок, привлекая нумизматику для освещения многих темных уголков нашей исторической науки. Однако только синтез разнородных специальных достижений в работе над монетой может способствовать окончательному решению специальных вопросов в отдельности, а решение каждой даже малой проблемы при изучении монеты вызывает к жизни ряд других проблем, порою уводящих исследователя в сторону от его основной задачи, но в конечном счете способствующих правильному ее решению.

Такие отступления оказались неизбежными и в настоящей работе, тем более что дискуссионности основных проблем истории древнерусской экономики до сих пор соответствует и дискуссионность основных проблем русской нумизматики. Многоплановость настоящего исследования ни в коей мере не свидетельствует о претензиях автора на некое всеобъемлющее освещение истории русского денежного обращения домонгольского времени. Целью работы остается исследование возникновения русских денежно-весовых единиц, реконструкция денежных систем и изучение их эволюции, на основании которых строятся и исторические выводы работы.

Один из первоначальных вариантов предлагаемой читателю работы, подготовленной на материалах главным образом Государственного Исторического музея (Москва) и Государственного Эрмитажа (Ленинград), был защищен автором в качестве кандидатской диссертации на историческом факультете МГУ². Частичные результаты ее были опубликованы в печати³.

Считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность за помощь в работе А. В. Арциховскому, А. А. Быкову, И. Г. Спасскому, Л. В. Черепнину, С. А. Яниной. Автор многим обязан также А. А. Сиверсу, скончавшемуся 24 сентября 1954 г.

² Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.

³ Янин В. Л. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси // Вопросы истории. № 8. 1955. С. 135–142.

Глава I

История вопроса, источники и методы исследования

*Как ни справедливы жалобы наших нумизматов на чрезвычайное...
безмолвие наших первых металлических монет... тем не менее однако
ж должно допустить, что только по ним можно сколько-нибудь
безошибочно судить о их тогдашнем значении.*
М. П. Заблоцкий, 1854 г.

В любой денежно-весовой системе различают два обязательных элемента: ее скелет – систему денежного счета – и величину денежно-весовых единиц. Соотношение последних между собой и их отношение к основной единице по системе денежного счета и есть то, что кратко называют денежно-весовой системой.

Одной из самых характерных особенностей денежных единиц на ранних ступенях их развития является совпадение их с принятыми в практике обмена весовыми единицами. Это совпадение, неоднократно привлекавшее внимание К. Маркса, до наших дней проявляется в совпадении денежной и весовой терминологии многих стран. Английский фунт, немецкая марка, русский гривенник и старый французский ливр – все эти пережиточные названия напоминают о былом единстве весовых и денежных единиц.

Это единство возникло сразу же с изобретением металлических денег. К. Маркс писал: «...количества золота, как таковые, измеряются по весу. Масштаб имеется, стало быть, уже в готовом виде в общих мерах веса металлов; поэтому эти меры веса при всяком металлическом обращении первоначально служат также масштабом цен»⁴. Сделавшись единственным критерием оценки обращающегося в качестве денег металла, меры веса с этого момента приобрели и наиболее широкое распространение. До изобретения металлических денег они могли употребляться только спорадически: трудно представить себе необходимость точного взвешивания металлов, ставших товаром, но еще не превратившихся в деньги, если при обмене им противостояли такие товаро-деньги, как скот или шкуры, бусы или раковины каури.

Однако и с распространением взвешивания после появления металлических денег сфера его применения остается все же весьма ограниченной: взвешиваются в основном сами металлические деньги. Знакомство с терминологией русских письменных памятников даже сравнительно позднего времени (XIV–XV вв.) показывает, что мелкие весовые единицы в Древней Руси употреблялись исключительно для взвешивания ценных металлов и лишь в редких случаях – особо дорогих товаров («гривенка перцю», «гривенка зелья»). При оценке других предметов потребления, измеряемых теперь весовым масштабом, пользовались иными приемами, продавая и покупая мясо полтями, лопатками, сено – возами, зерно – осминками, четвертями, калями, хлеб и птицу – штуками и т. д.⁵ Крупное взвешивание в известной мере применялось особенно в хлебной торговле. На его существование указывают, в частности, находки безменов и больших гирь и упоминания крупных единиц взвешивания в источниках; однако и здесь мера сыпучих тел употреблялась гораздо чаще и была привычнее. Мелкими же весами пользовались только для взвешивания ценностей. Лекари и знахари, прибегавшие к ним, в расчет, конечно, не могут быть приняты.

Причина распространения взвешивания и появления денежно-весовых единиц одна и та же – потребность товарного обращения в правильной организации обмена. К вопросу о вре-

⁴ Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1949. С. 60.

⁵ Ср.: Неклюдов В. М. О русских денежных слитках // Тр. Отд. нумизматики Гос. Эрмитажа. Т. I. Л., 1945. С. 127.

мени возникновения и распространения весовых единиц и следует подходить с точки зрения истории этого обмена.

В 1949 г. в Ученом совете экономического факультета ЛГУ П. Г. Заостровцевым была защищена кандидатская диссертация, в которой особенно четко сформулирована концепция обязательной независимости происхождения весовых единиц. Автор диссертации признает чрезвычайно вредными всякие попытки искать происхождение русских весовых единиц за пределами восточнославянских земель⁶. Общий уровень развития восточного славянства, по его мнению, был достаточно высоким для создания оригинальных весовых единиц задолго до того момента, когда славянство пришло в тесное торговое взаимодействие со своими далекими и близкими соседями. Не отмечая, какие именно единицы он имеет в виду, П. Г. Заостровцев пытается указать путь, по которому должно идти исследование русской весовой метрологии. Но сам по себе высокий уровень развития того или иного общества не может служить основой для возникновения весовых мер; поэтому к концепции П. Г. Заостровцева следует отнестись с осторожностью.

К. Маркс в своем анализе истории возникновения обмена отмечал: «В действительности процесс обмена товаров возникает первоначально не в недрах первобытных общин, но там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они соприкасаются с другими общинами. . . Поэтому особенные потребительные стоимости, которые в меновой торговле между различными общинами становятся товарами, например рабы, скот, металлы, чаще всего образуют первые деньги внутри самой общины»⁷. Приведенное положение Маркса в равной степени относится и к способам измерения тех товаров, которые в результате первоначального участия во внешней торговле продолжают свое обращение и во внутреннем обмене того или иного общества. Это тем очевиднее, когда ввозимый товар становится и средством внутреннего денежного обращения.

Поскольку речь идет о мерах веса, решить вопрос о времени их возникновения у восточных славян и о характере их происхождения возможно только на фоне истории торговли металлами в Восточной Европе.

Обширные области древнего расселения восточных славян были полностью лишены большинства основных видов ископаемого металлического сырья. Добычей и обработкой местного сырья удовлетворялась лишь потребность восточных славян в железе. Последнее в виде болотных руд распространено на территории Восточной Европы почти повсеместно⁸. Русским кузнецам для получения железа не нужно было совершать путешествия за пределы своей округи. Местными рудами удовлетворялись полностью потребности русской экономики вплоть до позднего времени, а простота кричного процесса не требовала узкой специализации металлургов. Все эти обстоятельства привели к тому, что обмен железом не практиковался в Древней Руси до тех пор, пока городское металлообрабатывающее ремесло не отделилось от железоделательного, а деревня как центр последнего не связалась узами широкого товарного обмена с городом⁹. Потребности во взвешивании собственного металла, следовательно, не могло существовать в Древней Руси до этого времени, да и впоследствии она не возникла в сколько-нибудь заметной степени в силу дешевизны железа, измерявшегося при помощи штучного счета — крицами, прутьями и сугребами.

Все остальные металлы, употреблявшиеся в средневековой Руси, появились в Восточной Европе в результате ввоза из-за славянских рубежей. Этим обстоятельством принципи-

⁶ Заостровцев П. Г. Из истории денег и денежного обращения в России до XV в.: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Л., 1949 (ЛГУ).

⁷ Маркс К. К критике политической экономии. С. 38.

⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 38.

⁹ Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Матлы и исслед. по археол. СССР. № 12. М.; Л., 1949. С. 192.

ально решается вопрос о характере происхождения русских весовых мер. Поскольку металлы ввозились, они должны были оцениваться уже на рубежах славянского мира, в тех пунктах, где встречались контрагенты международной торговли. Только те единицы, которые применялись в этих пунктах, могли стать и внутренними славянскими единицами измерения ввезенных металлов. До того как металл был ввезен, потребность в весовой единице еще не могла возникнуть; после того как он был ввезен, необходимости в изобретении собственной единицы, отличной от той, которая употреблялась при внешнем обмене, уже не было.

Впервые восточное славянство сталкивается с массовым ввозом металла в первых веках нашей эры, в эпоху тесного взаимодействия с римским миром. Основным ввозимым металлом во II и III вв. было серебро в виде римской монеты, распространившейся на значительные территории Поднестровья и Поднепровья. Она отложились в этих районах в сотнях больших и малых кладов и в громадном количестве отдельных монетных находок. В течение четырех веков поглощался ремеслом и накоплением этот гигантский ввоз, который осуществлялся фактически только два столетия.

Прекращение ввоза римского серебра в III в. н. э. надолго лишило Восточную Европу возможности восполнять запас этого металла. Только спустя пять столетий, в конце VIII в., открылся новый источник его поступления, и действие его не прекращалось до самого начала XI в. Этим источником была восточная торговля славян, в которой в качестве основного ввозимого продукта снова фигурирует серебро и снова в виде монеты – куфического дирхема, а в конце VIII – начале IX в. также и в виде драхм сасанидского типа. После того как иссяк и этот источник, массовый ввоз серебра осуществляется уже через северо-западные рубежи русских земель; в течение всего XI в. на Русь поступает западноевропейский денарий.

Только названные три источника поступления серебра являются основными за все время существования восточного славянства вплоть до XIV в. В литературе принято среди основных поставщиков серебра на Русь называть также Византию и Чехию. О роли византийского серебра в прошлом писалось немало, однако это не подтверждается вещественными источниками. Византийский милиарисий сравнительно очень слабо участвовал в русском обращении: в кладах X–XI вв. на одну византийскую монету приходится многие тысячи куфических и западноевропейских монет.

Что касается Чехии, то об ее роли принято судить только по известным словам Святослава, сказанным перед Дунайским походом: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моеи, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, из Чех же, из Угорь серебро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челядь»¹⁰. Однако ввоз серебра из Чехии археологически не прослеживается совершенно, да и приведенные слова свидетельствуют скорее не о существовании такого ввоза, а как раз об его отсутствии. Святославу именно потому «не любо в Киеве быти», что там «вся благая» не сходятся. Чехия и Венгрия могли быть источником серебра для дунайской Болгарии, но не для Киевской Руси.

Однако само упоминание серебра в списке тех товаров, ввоз которых Святославу кажется наиболее желательным, достаточно показательно. Серебро в Восточной Европе было более важной статьей импорта, нежели любой другой металл. Постоянный спрос на его поддерживался как нуждами денежного обращения, так и потребностями ремесленного производства. Заинтересованность восточных славян в серебре для времени восточной торговли хорошо отражена современниками. «У них нет денег. (Чеканенной монеты своей нет у них)... – писал в первой половине X в. Ибн-Русте. – И право же, белые, круглые диргеми привозятся из обла-

¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Вып. I. Л., 1926. С. 67, под 6477 г. См.: Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 143; Романов Б. А. Деньги и денежное обращение // История культуры древней Руси. Т. I. М.; Л., 1948. С. 392.

стей ислама и они их покупают (приходят к ним... путем мены за их товары)»¹¹. «И вот я желаю, – обращается к идолу русс, по словам Ибн-Фадлана, – чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами и чтобы (он) купил у меня, как я пожелаю, и не прекословил бы мне в том, что я скажу»¹². Еще определеннее сообщение ал-Гардизи: «Они (купцы. – В. Я.) те дирхемы отдают руссам и славянам, так как те люди не продают товара иначе, как за чеканенные дирхемы»¹³.

Трудно сказать, какое место в древнерусском импорте занимало серебро; оно выгодно отличается от других товаров своей сохраняемостью, чего нельзя сказать о таких предметах ввоза, как ткани и краски, фрукты, пряности, вина и благовония. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что приток серебра в Русь был поистине гигантским. Перемещение масс серебра с Востока и Запада в IX–XI вв. на территорию Руси имело следствием, в частности, то, что куфическая нумизматика, так же как и нумизматика Англии и Германии XI в., гораздо полнее представлена в музеях СССР, чем на родине этих монет¹⁴.

К настоящему времени на территории Восточной Европы зафиксировано свыше 400 кладов и отдельных находок куфических монет¹⁵ и около 150 кладов и отдельных находок западноевропейских денариев¹⁶, не говоря уже о более ранних кладах римских монет¹⁷. Сумма этих находок во много раз превосходит количество находок изделий из любого другого металла, ввозившегося в Древнюю Русь. Однако приведенные цифры в самой незначительной степени могут характеризовать размеры действительного ввоза серебра в Восточную Европу. Регистрация находок монетных кладов началась поздно и никогда не велась с исчерпывающей систематичностью. Известные находки составляют ничтожную часть кладов, остающихся в земле, и находок не учтенных. Значительная доля монет была уничтожена еще в древности. Участвуя в сфере денежного обращения и в сфере ремесленного производства, серебро постоянно проделывало своеобразный кругооборот из одной сферы в другую. Хорошей иллюстрацией этому служит Полоцкий клад 1910 г., состоявший из монет целых и в обломках, обрезков денежных слитков вместе с целыми и массы выделанных из них заготовок серебряных браслетов (клад по монетам датируется серединой XI в.)¹⁸. Иной иллюстрацией может служить сообщение Ипатьевской летописи под 1288 г. о том, как князь Владимир Василькович Волынский «блюда великаа серебрянаа и кубьки золотые и серебряные сам перед своима очима поби и полья в гривны»¹⁹.

Основным сырьем для литья денежных слитков XI–XV вв. были те же восточные и западные монеты VIII–XI вв., а сами слитки в значительной степени послужили материалом не только для русской серебряной чеканки XIV и XV вв., но и для чеканки восточноевропейских городов Золотой Орды, куда они в громадном количестве попадали в качестве «ордынского

¹¹ Ковалевский А. П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954. С. 46. Несколько отличается перевод Д. А. Хвольсона в его книге «Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста и т. д.». СПб., 1869. С. 24–25 (позже чтение имени автора этих известий было уточнено как Ибн-Русте. – В. Я.). Отличия перевода Хвольсона отмечены в скобках.

¹² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939. С. 79–80.

¹³ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью в 1893–1894 гг. // Зап. имп. АН. VIII сер. По ист. – фил. отд. Т. I. № 4. СПб., 1897. С. 121.

¹⁴ Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. Zeitschrift für Numismatik (Berlin). Bd. 39 (1929) u. 40 (1930). Автореферат. Проблемы истории докапиталистических обществ. 1933. № 9–10. С. 235.

¹⁵ См. основные сводки находок куфических монет: Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики и т. д. // Сообщ. ГАИМК. Т. I. Л., 1926; Он же. Список монетных находок (II) // Там же. Т. II. Л., 1929.

¹⁶ Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts.

¹⁷ Кропоткин В. В. Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ. № 4. 1951; Он же. Топография римских и ранне-византийских монет на территории СССР // ВДИ. № 3. 1954.

¹⁸ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 97. № 48.

¹⁹ Летопись по Ипатьевскому (Ипатскому) списку. СПб., 1871. С. 601.

выхода». Позднее русские монеты XIV–XV вв. в результате реформы Елены Глинской 1533 г. были перечеканены в монеты Грозного. И нет сомнения в том, что какая-то часть серебра, ввезенного в Восточную Европу еще в IX–XI вв., содержится и в современной утвари и украшениях.

Все сказанное выше до известной степени характеризует действительные размеры обращения серебра в домонгольской Руси. Сказка Масуди о том, что «русские владеют большим количеством серебряных рудников, которые можно сравнить с рудниками в горах Лахеджира в Хоросане»²⁰, наполняется благодаря этому реальным содержанием, приобретая иносказательный смысл.

Ввоз серебра в Восточную Европу осуществлялся почти исключительно в виде серебряной монеты. Разумеется, какое-то количество серебра приходило и в виде утвари. В связи с этим уместно напомнить свидетельство известного Смоленского договора 1229 г. с Немецким берегом, составленного уже в те времена, когда всякий ввоз серебряной монеты на Русь прекратился полностью: «Или который Немчиць купить съсуд серебряный, дати ему от гривны куна весцю. Или продать, не дати ему ни векше»²¹. Однако импорт серебра в каких-либо иных формах, нежели монетная, был очень слабым.

Археологи знают, что временем расцвета массового производства серебряных украшений на Руси были X и XI вв. В это время серебряные украшения постоянно входят в убор даже простых горожанок и крестьянок. Как будет показано ниже, именно начало X в. является временем, когда имел место наиболее усиленный ввоз в Восточную Европу серебряной монеты. В XII в. изготовление серебряных украшений вырождается в производство дешевых биллоновых поделок, а ювелирная обработка серебра, достигающая в это время виртуозности, ограничивается лишь изготовлением дорогих предметов боярского убора. Этот заметный рубеж в развитии ремесла является рубежом и во ввозе серебряных монет, который полностью прекращается к концу XI в.

Итак, серебро для древней Руси основной ввозимый металл и основной взвешиваемый металл, а монета – основная форма ввозимого серебра. Есть достаточно оснований предполагать, что нормы измерения ввозимого металла были в то же время нормами измерения ввозимой монеты. Поэтому исследование происхождения и развития древнерусских весовых мер не может не начинаться с исследования весовых особенностей притекавших на Русь и бытовавших в ней в громадных количествах иноземных монет.

Обращение в Восточной Европе значительных масс серебра не вызывало сомнений с момента открытия первых русских денежных слитков. Тогда же началось и их метрологическое исследование, породившее целый ряд различных концепций. Большинству исследований «русского веса», созданных в прошлом веке, свойственно одно и то же представление, что формы серебряного обращения Древней Руси исчерпывались обращением слитков и в меньшей степени монет собственной чеканки. Русские денежные системы! – само это понятие, казалось, должно охватывать явления исключительно русского происхождения. Бытование иноземных монет на территории Восточной Европы рядом исследователей XIX в. рассматривалось как свидетельство тех или иных торговых связей Древней Руси, и сами иноземные монеты представлялись чисто международными деньгами, которым во внутреннем русском обращении противостояли деньги иного характера – так называемые «куны».

Система кун, засвидетельствованная Русской Правдой, летописями и рядом актов, существовала в Древней Руси вплоть до введения в XIV–XV вв. монетной чеканки в Низовских землях, Новгороде и Пскове, а в виде пережитка сохранялась и в более позднее время. Письменные памятники хорошо знают ее на всем протяжении XII–XIV вв., т. е. в тот период,

²⁰ История Татари в документах и материалах. М., 1937. С. 19.

²¹ Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Т. I. СПб., 1868. С. 435, 437. № 26, Е.

когда монетного обращения на территории Восточной Европы уже заведомо не существовало. Следовательно, по крайней мере в течение двух с половиной веков термин «куны» применялся не к монетам, а к каким-то иным видам денег. Этого было достаточно для того, чтобы утверждать, что и в предшествующее время, когда на Руси в большом количестве бытовали сначала дирхем, а затем денарий, термин «куны» не имел ничего общего с монетой, а сама монета, таким образом, не играла особой роли во внутреннем обращении восточных славян.

Откроем ли мы сочинения Н. М. Карамзина²² или И. П. Бекетова²³, С. И. Шодуара²⁴ или Н. И. Ланге²⁵, обращавшихся к русским денежным системам, – всем им присущ в одинаковой степени взгляд, четко изложенный В. Н. Лешковым: «Золото и серебро во время Правды, конечно, еще не имели формы монет, или собственно денег, и служили мерою цены, по одному своему количеству, весу. От того являются эти деньги только в форме и под названием гривен, или полуфунтов; от того служат они только мерою цены, с полною внутреннею, соответствующей названию, ценностью, а не одним знаком цены, или простым орудием мены и торго. Собственно деньги ходячие времен Правды состояли в так называемых кунах, ногатах, мордкахи т. д., которые были знаками цены, а именно известного количества золота и серебра, удобным средством передачи и передвижения ценностей, вообще орудием мены и торго»²⁶.

Монеты, таким образом, заменялись «кунами». Материальная природа такой куны объяснялась с большой легкостью этимологическим путем. Куна, куница – название пушного зверька; еще одна единица кунной системы – веверица, или векша, называется именем другого пушного зверька – белки. Установив на этих примерах связь денег с меховыми ценностями, уже очень легко посчитать резану разрезанным мехом, ногату – мехом, сохранившим лапки, а гривну – оплечьем из меха горностаев или белок²⁷ и признать возможность одновременного обращения разного рода лоскутов меха, вплоть до «ушек».

Существование в Древней Руси всеобщей системы меховых денег было для многих историков и даже нумизматов прошлого века непреложным фактом, тем более что подтверждением ему явились сообщения иностранцев, писавших о России и видевших меховые деньги собственными глазами.

Непосредственным развитием «меховой» теории русских денег явилась уже в конце XVIII в. теория кожаных ассигнаций. Если «меховая» теория основывалась на этимологических особенностях русской денежной терминологии и на показаниях современников обращения мехов, то «кожаная» теория имела и более «достоверные» доказательства: обращение кожаных жеребьев было запрещено указом Петра I, их видел своими глазами Н. М. Карамзин. То, что в указе Петра идет речь не о древнерусских явлениях, а о событиях конца XVII в. и что сохранившиеся «кожаные деньги» не имели на себе никаких достоверных следов древности, – не смущало. Теория русских кожаных ассигнаций, поборником которой был и цитированный В. Н. Лешков, быстро вышла на страницы русской и западноевропейской историко-экономической литературы.

В XIX в. в нумизматический оборот были введены кожаные подделки таких «ассигнаций», вводившие в заблуждение русскую историческую науку на протяжении более ста лет.

²² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 256, сл. (1 изд.).

²³ Бекетов И. П. Краткое обозрение древних ходячих монет, под названием кун, бывших в употреблении в России // Труды и летописи ОИДР. Ч. VI. М., 1833.

²⁴ Шодуар С. И. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. Ч. I. СПб., 1837.

²⁵ Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. Без выходных данных (1861 г.). Печаталось частями, с самостоятельной пагинацией, в виде приложений к кн. 1, 3, 5 и 6 «Архива исторических и практических сведений, относящихся до России, 1859 г., издаваемого Н. Калачевым», СПб., 1859–1861.

²⁶ Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. 175.

²⁷ См.: Усов С. А. Заметка о древних русских деньгах по Русской Правде // Древности. Т. IX. Вып. II, III. М., 1883. С. 96, 99–100.

Тогда же существование системы «кожаных денег» было «подтверждено» ссылками на сообщение Ахмеда Тусского об обращении у русских в XII в. «шкур без волос». Недавно И. Г. Спасскому удалось серьезно поколебать доверие к большинству дошедших до нас кожаных жеребьев, указав на изготовление их известным фальсификатором XIX в. Сулакадзевым²⁸, и уточнить чтение места об обращении шкур у Ахмеда Тусского.

В этом сообщении в действительности не говорится о «шкурах без волос», а трактуется вопрос о подделывании мехов²⁹.

Если обращение кожаных денег не подтверждается ранними источниками, то обращение мехов зафиксировано весьма основательно. К X в. относится приведенное выше (стр. 18) свидетельство Ибн-Русте; в XII в. об обращении меховых денег писали Низами³⁰ и Ахмед Тусский³¹, а в 1253 г. о том же сообщил Рубруквис³². В 1412–1414 гг. о меховых деньгах новгородцев писал Жильбер де Ланноа, уже как о частях шкурок³³, а в XVI в. о том же как о явлении, имевшем некогда место в Древней Руси, – Герберштейн³⁴. Подтверждения свидетельствам о меховых деньгах содержатся и в некоторых русских художественных памятниках. Известна икона XV или XVI в. с изображением новгородского архиепископа Иоанна-Илии, передающая сюжет второй половины XII в. и изображающая ногаты в виде звериных шкурок³⁵. Неоднократно в литературе анализировались также изображения знаменитых летописных миниатюр XVI в. к тексту о денежных реформах XV в. в Новгороде и Пскове, на которых обмен кун на артуги изображается в виде обмена шкурок на монету³⁶.

Существование мехового обращения и видимая связь его с кунной системой постоянно заставляли сторонников всеобщих русских меховых денег различать в древнерусском денежном обращении два круга денежных единиц: серебряные единицы (слитки, «гривны серебра») и меховые единицы (последние, как уже отмечено, зачастую произвольно заменялись кожаными). Вполне понятно, что и метрологическим источником для решения проблемы происхождения и развития русских весовых единиц при таком освещении вопроса могли служить только денежные единицы первого круга – слитки. Меховые единицы могли иметь только теоретический «вес» – как отношение к цене имеющих вес слитков, что несколько не способствует расширению круга метрологических источников.

Между тем из года в год нумизматика собирала громадный материал, свидетельствовавший о том, что в Древней Руси в значительных количествах имела серебряная иноземная монета. Пока этот материал был не обобщен, пока знания о хронологии бытования на Руси иноземной монеты не были приведены в систему, сами факты частых находок кладов с восточными и западными монетами делали свое дело.

Параллельно с развитием теории всеобщих меховых денег значительным кругом исследователей разрабатывалась теория всеобщих же металлических денег Древней Руси. В трудах Г. Успенского³⁷, М. Т. Каченовского³⁸, И. Д. Беляева³⁹, П. С. Казанского⁴⁰, М. П. Пого-

²⁸ Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики // Нумизмат. сб. Вып. I. М., 1955. С. 101–108.

²⁹ Спасский И. Г. Из истории древнерусского товароведения // Кратк. сообщ. ИИМК АН СССР. Вып. 62. М., 1956.

³⁰ См.: Неклюдов В. М. Указ. соч. С. 124.

³¹ Спасский И. Г. Из истории древнерусского товароведения.

³² Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина. СПб., 1910. С. 135.

³³ Марков А. К. Русская нумизматика. Конспект лекций. СПб., 1905. С. 12.

³⁴ Там же (сообщение Герберштейна повторяет Гваньини).

³⁵ Гусев П. Л. Икона св. Иоанна (Илии) Архиепископа в деяниях и чудесах // Вести, археол. и ист., изд. СПб. археол. ин-том. Вып. XV. СПб., 1903. С. 39, сл., 74, 75, рис. 23; Трутовский В. К. Новые первоисточники для истории ценностей допетровской России – художественные // Ин-т археол. и искусствозн. РАНИОН. Тр. отд. археол. I. М., 1926.

³⁶ Трутовский В. К. Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI века // Нумизмат. сб. Т. I. М., 1911; Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 98, сл.

³⁷ Успенский Г. Опыт повествования о древностях русских. Ч. I. Харьков, 1818. С. 664, сл.

³⁸ Каченовский М. Т. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде. М., 1849.

дина⁴¹ и других авторов вопрос о характере денежного обращения Древней Руси решается с такой же прямолинейностью, с какой он решался в исследованиях ортодоксальных последователей меховой теории. Как те, так и другие не ставили вопроса о хронологии металлического или мехового обращения, а решали проблему в целом. Если для «меховистов» не существовало металлических денег вообще (кроме, конечно, слитков), то для сторонников металлической теории точно так же вообще не существовало меховых денег. При этом «металлисты» стремились сомкнуть обращение монет раннего времени с собственными удельными русскими монетами, заполняя хронологический пробел между ними ссылками на «несохранившиеся» материалы и выдуманной или поддельной монетой Ивана Калиты, Даниила Александровича и других князей, которые в действительности еще не чеканили монету.

Стремление отыскать материал для заполнения всех хронологических лакун монетного обращения остро проявилось и в спорах о датировке древнейших монет Владимира и Святополка, не утративших свою остроту и в наше время.

Отмеченная тенденция, существовавшая в нумизматических исследованиях прошлого века, вполне понятна и закономерна. Однако вряд ли ее можно назвать полезной. Она постоянно приводила к сильнейшему произволу в датировках нумизматических памятников, действительно обращавшихся на Руси, к преувеличению малозначительных фактов и к преуменьшению роли значительных групп памятников. Проявилась она и в первом большом исследовании монетного веса Древней Руси, принадлежащем перу Д. И. Прозоровского⁴². Д. И. Прозоровский был последовательным сторонником теории металлических денег. Он хорошо сознавал, что иноземная монета, оказавшаяся на территории Древней Руси, начинала здесь жить своей второй жизнью и что поэтому и изучение денежно-весовых систем русской древности лежит на пути исследования весовых особенностей таких иноземных монет. Однако в освещении закономерностей древнего монетного обращения он оказался нумизматически беспомощным, совершенно не понял значения восточной монеты в русском денежном обращении и, следуя Ф. И. Кругу, наивно веровал в существование сильнейшего воздействия на русскую систему византийского солида. Д. И. Прозоровский ни словом не обмолвился о трудах Х. Д. Френа и П. С. Савельева, открывших целый мир «мухаммеданской нумизматики в отношении к русской истории». Громадный материал восточных дирхемов и западноевропейских денариев остался вне его исследования.

Крупнейшей заслугой историков прошлого века в деле разработки проблем русской денежной метрологии было окончательное выяснение системы древнерусского денежного счета. Трудami многих исследователей, среди которых в первую очередь должны быть названы П. С. Казанский⁴³ и П. Н. Мрочек-Дроздовский⁴⁴, куны, ногаты, резаны были приведены в закономерное отношение к гривне и между собой. Строение скелета денежных систем было выяснено. Оставалось нарастить на этот скелет тело фактического материала, приведя данные веса различных монетных групп в соотношение с системой денежного счета. Если Прозоровский еще не мог правильно определить эти группы, то к концу XIX в. вопрос о хронологии монетного обращения Древней Руси стал значительно яснее.

А. В. Орешников окончательно обосновал общую дату возобновления монетной чеканки в XIV в. и доказал, что ранее времени Дмитрия Донского великие и удельные князья монету

³⁹ Беляев И. Д. Очерк истории древней монетной системы на Руси // Чтения в Имп. о-ве Ист. и Древн. Российских. № 3. М., 1846; Он же. Били ли на Руси монету до XIV столетия? // Зап. имп. АО. Т. V. СПб., 1853.

⁴⁰ Казанский П. С. Исследования о древней русской монетной системе в XI, XII и XIII веке // Зап. имп. АО. Т. III. СПб., 1851.

⁴¹ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о Русской истории. Т. VII. М., 1856. С. 322–364.

⁴² Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865.

⁴³ Казанский П. С. Исследования о древней русской монетной системе // Зап. имп. АО. Т. III. СПб., 1853.

⁴⁴ Мрочек-Дроздовский П. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. М., 1882.

не чеканили⁴⁵. И. И. Толстым монеты Владимира и Святополка были привязаны к рубежу X–XI вв.⁴⁶ Благодаря исследованиям В. Г. Тизенгаузена утвердился вывод о прекращении ввоза арабских монет на Русь в начале XI в.⁴⁷ Новые материалы не опровергали обоснованное Б. Кене еще в 1850 г. утверждение о том, что западноевропейские денарии позднее XII в. на территории Восточной Европы не приходили. Монетный материал русского обращения постепенно приводился в хронологическую систему; преобладающие в том или ином периоде монеты становились на свои места. Рос нумизматический материал, но вместе с тем все яснее становился обширный безмонетный период, существование которого долго не постигалось сторонниками всеобщего металлического обращения.

В 1901 г. было опубликовано большое метрологическое исследование А. И. Черепнина⁴⁸. В нем было вполне четко сформулировано мнение о первостепенной важности восточных монет VIII–XI вв. для развития русского денежного обращения. Эту мысль А. И. Черепнин развивал и пропагандировал в ряде статей⁴⁹. Особое внимание он обратил на встречаемые в кладах обломки монет, в которых он хотел видеть разные номиналы системы, находящиеся во взаимной метрологической связи и соответствующие 1/3, 1/4, 1/8, 1/12, 1/24 и даже 1/40 дирхема⁵⁰. Однако выводы из его скрупулезно точных взвешиваний обломков не внушают доверия. Располагая весьма немногочисленным материалом для взвешивания, А. И. Черепнин не сумел, да и не мог привести результаты своего исследования в связь с системой денежного счета. Куны, ногаты, резаны и веверицы остались такими же загадочными величинами, как и прежде.

А. И. Черепнин прекрасно сознавал сам незавершенность своей работы и общие выводы, сделанные на ее основе, превратил в очень обоснованную программу метрологического исследования древнерусских денежно-весовых систем. Насколько верно он представлял себе последовательность дальнейшей работы, видно из содержания первых двух пунктов его программы: «1) Составить подробную топографию денежных кладов и единичных монет, открытых в Европейской России, с точным описанием состава их; 2) Выяснить насколько окажется возможным, какого вида монеты преобладают в кладах той или другой местности в известный период времени»⁵¹.

Большой заслугой А. И. Черепнина было также то, что он по существу первый из русских нумизматов привлек к исследованию древние весовые гири, в которых совершенно справедливо видел орудия для взвешивания ценностей и в первую очередь монет⁵².

Если исследования А. И. Черепнина характеризуют его как чрезвычайно добросовестного исследователя, в методе работы которого нашли отражение принципы научного историзма, то эта характеристика вряд ли применима к труду И. И. Кауфмана, опубликованному через шесть лет после работы А. И. Черепнина⁵³.

⁴⁵ Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. // Российский исторический музей. Описание памятников. Вып. I. М., 1896.

⁴⁶ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882; Он же. Древнейшие русские монеты X–XI вв. // Зап. РАО. Т. VI (нов. сер.). СПб., 1893.

⁴⁷ Тизенгаузен В. Г. О саманидских монетах // Зап. имп. АО. Т. VI. СПб., 1853; Он же. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873.

⁴⁸ Черепнин А. И. О гривенной денежной системе по древним кладам // Тр. МНО. Т. II. М., 1901.

⁴⁹ Черепнин А. И. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892 (Прил. к Тр. Рязан. Уч. архивн. комисс. за 1891 г.); Он же. Коростовский клад. Рязань, 1892 (Прил. к Тр. Рязан. Уч. архивн. комиссии за 1892 г.).

⁵⁰ Черепнин А. И. Коростовский клад. С. 5.

⁵¹ Черепнин А. И. О гривенной денежной системе... С. 215.

⁵² Черепнин А. И. Древние рязанские гири // Тр. Рязанской Уч. архивн. комисс. Т. VII. Рязань, 1892. № 6. С. 106–110 и № 7–8. С. 126–134.

⁵³ Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени // Зап. Нумизмат. отд. РАО. Т. I. Вып. I. СПб., 1906. Существует и отдельное издание того же года с иной пагинацией

Состояние материала за прошедшие шесть лет не улучшилось. А. К. Марков еще работал над своей топографией восточных монет, а к приведению в порядок топографических сведений по другим обращавшимся в свое время на Руси монетам еще никто не приступал. Сводка кладов денариев, составленная за полвека до того Кене, уже была безнадежно устаревшей. Однако И. И. Кауфман счел возможным приступить к общему исследованию происхождения русского веса. Для этого ему потребовалось немного: сам факт бытования на Руси дирхема, почерпнутые из литературы сведения о весе нескольких десятков омейядских и аббасидских монет да результаты исследования Кэйпо о халифской монетной стопе. Приняв данные Кэйпо, Совера и Декурдеманша о том, что в основе чеканки Халифата лежал ратль весом около 409 г и что из него чеканилось 144 дирхема, И. И. Кауфман обратил внимание на то, что и русский фунт близок 409 г. Сопоставив это совпадение с фактом бытования дирхема в Восточной Европе, И. И. Кауфман сделал свой основной вывод о том, что фунт был заимствован в VIII в. восточными славянами у арабов вместе с дирхемом.

Казалось бы, этот вывод следовало проверить и подтвердить на вещественном материале, который в то время составлял большие коллекции. Отождествив иракский ратль и древнерусскую гривну, Кауфман должен был бы обсудить, чем же были куны, ногаты и резаны, входившие в систему гривны, и чем был сам дирхем по отношению к этим основным, реально существовавшим единицам. Однако И. И. Кауфман даже не поставил вопрос о соотношении гривны-ратля с гривной кун, которая, между тем, была более древней, нежели гривна серебра. Таким образом, он попросту перенес на русскую почву арабскую денежно-весовую систему, не касаясь происхождения оригинальной системы русского счета, которая практически постоянно употреблялась при денежных расчетах восточных славян.

Высказывая мнение о заимствовании иракского ратля вместе с дирхемом, И. И. Кауфман не привел ни одного факта, который свидетельствовал бы о том, что домонгольская Русь знала фунт и что на Руси фунт когда-либо подразделялся на 144 фракции. Он и не мог привести таких фактов, т. к. их нет. Правда, для подтверждения своей теории И. И. Кауфман возвестил о существовании в домонгольской Руси фунтовых денежных слитков; без ссылок на конкретный вещевой материал он писал: «До нас дошли, хотя и в весьма небольшом количестве ... слитки в 96 золотников»⁵⁴. Это «небольшое количество» в настоящее время состоит всего-навсего из одного экземпляра (вес 415,365 г), найденного в составе небольшого клада в Елабуге б. Вятской губ., да и то только в 1911 г., т. е. пятью годами позже опубликования И. И. Кауфманом его работы, причем и этот слиток принадлежит к числу совершенно не характерных для Древней Руси круглых слитков-лепешек, распространенных в IX–XIII вв. в Заволжье и не отличающихся закономерным постоянством веса⁵⁵.

Не будучи нумизматом, И. И. Кауфман в высшей степени произвольно обошелся с рядом известных к его времени нумизматических фактов. Вопреки хронологическим показаниям кладов так называемых шестиугольных слитков, отличающихся своеобразным весом и зафиксированных неоднократно вместе с сопровождающим материалом XII века, он объявил эти слитки джучидскими. Это понадобилось И. И. Кауфману, чтобы доказать всеобщее употребление иракского ратля в домонгольской Руси, которая, по мнению Кауфмана, и знала только одну денежно-весовую систему – систему ратля.

Несостоятельность теории И. И. Кауфмана очевидна не только в том, что ее положения не подтверждаются фактическим материалом денежного обращения. Поскольку провозглашенная им система не приведена в соотношение с кунной системой, она противостоит системе Русской Правды. Выходит, что, заимствовав дирхем и восточный вес, Древняя Русь продол-

и измененным заглавием («...с древнейших времен»).

⁵⁴ Кауфман И.И. Указ. соч. С. 179–180.

⁵⁵ Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters // Numismatische Zeitschrift. № 62. Wien, 1929. S. 94. № 30.

жала в своем внутреннем обращении пользоваться загадочными кунами, ногатами, резанами и веверицами. Таким образом, заимствованный вес нашел отражение в весовых нормах слитков, но не коснулся мелких единиц кунной системы. Настаивая на своем предположении о заимствовании ратля вместе с дирхемом, И. И. Кауфман тем самым признал важность восточных монет в русском обращении, но единицы кунной системы так и оставались неисследованными, и вопрос об их характере ничуть не прояснился. Роль иноземной монеты как средства внутреннего денежного обращения Древней Руси в получившем широкое признание труде И. И. Кауфмана значительно стушевывалась.

В работе В. К. Трутовского⁵⁶, который был первым оппонентом И. И. Кауфмана, несмотря на это, содержится по существу развитие взглядов самого Кауфмана. В. К. Трутовский не отрицает возможности заимствования веса с Востока, но выражает убеждение, что это заимствование было не непосредственным, а произошло в результате обычая отливать русские денежные слитки из определенного числа восточных монет⁵⁷. Таким числом для обычных полуфунтовых слитков остаются те же 72 дирхема – т. е. количество, никак не отраженное в русских денежных и весовых системах. В. К. Трутовский, так же как и И. И. Кауфман, только гораздо более открыто противопоставляет монеты «кунам», которые считает меховыми ценностями: по его словам, арабские, византийские, английские и немецкие монеты «в продолжение целых трех столетий заменяли на Руси недостающие ей металлические денежные знаки и ходили наравне с кунными ценностями»⁵⁸, а «переход к металлической валюте (имеется в виду переход к употреблению слитков в XI в. – В. Я.) вызывал, конечно, необходимость в согласовании прежней системы – меховой с новой – металлической»⁵⁹.

Обе рассмотренные работы, несмотря на те или иные расхождения авторов, подводят читателя к представлению о двойственном характере древнерусского обращения. Наряду с ходячей серебряной монетой Древняя Русь, согласно этому представлению, пользовалась меховой валютой, которая была для Руси исконной и система которой отличалась от системы металлических денег.

Меховые деньги были распространены в большей степени, и за ними оставалась роль внутренних денег по преимуществу.

Как же представляли себе И. И. Кауфман и В. К. Трутовский метрологическую сторону обращения дирхемов? О весовой природе дирхема они судили по теоретической норме только одного из его многочисленных видов, пользуясь для всего периода бытования восточной монеты на Руси данными, полученными только на материале VIII и IX вв., да и то случайном, и вовсе не обращаясь к изучению веса монет русских кладов. Весовая величина дирхема была признана ими постоянной для всего длительного периода его ввоза в Восточную Европу. И. И. Кауфман упомянул о коллекции гирек, собранных Британским музеем в Египте, но совершенно не привлек достаточно обильные к его времени находки древнерусских весовых гирек. А. Л. Монгайт правильно отметил, что весовые нормы русских гирек не имеют ничего общего с той нормой дирхема, которая И. И. Кауфманом предложена в качестве исходной для «русского веса»⁶⁰.

Поверхностный характер исследования И. И. Кауфмана наложил отпечаток противоречивости и на его принципиальные выводы. В самом деле, попав на русскую почву, дирхем начинает, по Кауфману, жить более чем странной жизнью. Он получил широкое распространение, разнося по всей территории Восточной Европы систему арабского ратля; он лег в основу все-

⁵⁶ Трутовский В. К. Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI века.

⁵⁷ Трутовский В. К. Указ. соч. С. 435.

⁵⁸ Там же. С. 412.

⁵⁹ Там же. С. 430.

⁶⁰ Монгайт А. Л. Рязанские гирьки // Краткие сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XIV. М.: Л., 1947.

общей русской весовой системы; он, наконец, положил основу системе денежных слитков или так называемой гривенной системе. В то же время он, по-видимому, не оказал никакого влияния на систему кун, т. е. на систему мелких единиц, преимущественное употребление которых в сфере денежного обращения тем более очевидно, что наименование одной из единиц этой системы даже стало собирательным обозначением денег вообще.

Общеизвестно, что гривна была высшей единицей кунной системы. Это обстоятельство и побуждает не противопоставлять друг другу систему кун и систему слитков, а пытаться искать в них общие элементы. Их общность может быть генетической, но может оказаться и структурной. Но в любом случае перед нами должен встать вопрос о происхождении и времени возникновения кун и кунной системы, а вместе с тем делается все более необходимым установить, чем же была в действительности сама куна. Если за этим названием скрывается иноземная монета, то представление о роли ввозившегося на Русь серебра должно в корне измениться. Иными глазами придется смотреть и на характер внутреннего русского денежного обращения.

Употребление товаро-денег и металлических денег – это различные ступени развития денежного обращения. Отражая общее состояние развития народного хозяйства, различные этапы денежного обращения свидетельствуют и о различных этапах развития экономики. Можно допускать длительное переживание различных видов товаро-денег в обращении развитого общества в том случае, когда оно лишено сырьевой металлической базы. Однако вряд ли можно говорить о существенном развитии общественной экономики, если обращение использует чуть ли не в основном товаро-деньги, имея при этом все условия для замены их металлической монетой. Последнее замечание является вполне логичным выводом из построений И. И. Кауфмана и В. К. Трутовского.

Уже в советское время к проблеме происхождения русских весовых норм обратился один из видных русских нумизматов Н. П. Бауер⁶¹. Ему принадлежит первая попытка обосновать взаимосвязь иноземных монет, обращавшихся на Руси, с весовыми нормами денежных слитков. Критикуя И. И. Кауфмана за то, что тот «вовсе не интересовался существованием другой гривны, гривны Русской Правды, бывшей в обиходе задолго до появления серебряных слитков»⁶², Н. П. Бауер писал, что «пришедшие ранее других монет на русскую равнину арабские дирхемы и положили начало кунной системы»⁶³, а «раз дирхем был древнейшей кунной, то встречающиеся в наших кладах части следует признать единицами кунной системы»⁶⁴. Этот вывод он противопоставил, однако, не всему существу построений Кауфмана, а только его «арабской» теории. Приведя целый ряд фактов, свидетельствующих о резко различном качестве разных видов дирхема, употреблявшихся на Востоке, Н. П. Бауер отказался от изучения веса дирхемов русских кладов, тем более что способ чеканки этих монет (ал-марко), как ему казалось, не давал возможности для достаточно точных выводов. Пестрота веса и качества дирхемов «вообще» привела его и к выводу о том, что прием кун-дирхемов осуществлялся на глаз.

Н. П. Бауером была создана собственная концепция происхождения русских весовых единиц: «...так ли уж обязательно признавать арабов за учителей древнего населения Восточной Европы в отношении веса, как это делал Кауфман? – писал Н. П. Бауер, – ...на мой взгляд гораздо естественнее признать норманнов носителями этих навыков: они прошли всю Восточную Европу вдоль и поперек, их же, вероятно, и разумеет Ибн-Фадлан, говоря о руссах, что они массаами накапливали дирхемы и, набрав 10 000 штук, одаривали жен своих цепями. Нор-

⁶¹ Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды // Вспомогат. исторические дисциплины. М.; Л., 1937.

⁶² Там же. С. 226.

⁶³ Там же. С. 219.

⁶⁴ Там же. С. 220.

манны доставляли эти же дирхемы в огромных количествах к себе на родину, а также морем в Польшу и к другим западным славянам»⁶⁵.

В подтверждение этой концепции Н. П. Бауером была обоснована метрологическая связь как древнерусских слитков, так и кунной системы со скандинавскими весовыми единицами. Образующие обширную группу слитки весом около 200 г были признаны им точно соответствующими скандинавской марке в 197 г, гривна кун (49,25 г) – двум скандинавским эрам, а резана в 0,98 г близко совпала с обычным весом западного денария, распространенного в Восточной Европе в XI в.

Теория западного происхождения русской гривны развивалась Н. П. Бауером в полном соответствии с представлениями об исключительной роли варяго-норманнов в истории русского общества. Выходцы из Скандинавии только и осуществляли торговые сношения Руси с Востоком. Слившись с верхушкой славянского общества, они составили основную группу населения, дававшую движение денежному обращению. Последнее было единым на всей обширной территории славянской Восточной Европы, скандинавского севера и на землях западных славян. Впрочем, у восточных славян иноземная монета употреблялась главным образом как средство накопления. Все эти идеи развивались Н. П. Бауером во многих работах, печатавшихся в СССР и за границей.

Откровенный норманизм Н. П. Бауера не нашел сочувствия у советских историков. Однако он не получил и достаточно энергичного отпора на страницах нашей исторической литературы. Противовесом ему до сих пор остается все та же неудовлетворительная концепция И. И. Кауфмана, подорванная в значительной степени самим Н. П. Бауером. Более того, уже в послевоенное время норманизм Н. П. Бауера нашел себе прибежище на страницах «Истории культуры древней Руси»⁶⁶. Те же идеи легко обнаружить в освещении денежного хозяйства Древней Руси на страницах капитального труда П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР»⁶⁷.

Предложив свое решение вопроса, Н. П. Бауер не разрешил большого круга проблем, остающихся открытыми до настоящего времени. Признавая скандинавское происхождение гривны, он не сомневался в оригинальном происхождении системы русского денежного счета. Получалось, что русская гривна образовалась на основе платежного употребления восточного дирхема, но по системе русского счета. В то же время она оказывалась заимствованной с Запада. Это противоречие заставило Н. П. Бауера говорить о счетной гривне Русской Правды и весовом характере сменившей ее гривны серебра. Для того чтобы свести концы с концами, Н. П. Бауер предположил, что дирхем содержал 2,46 г чистого серебра, что соответствует весу ногаты в системе рассчитанных им единиц. Очень неубедительное само по себе обращение к понятию чистого серебра для того времени, когда определение чистоты металла могло быть лишь крайне приблизительным, не было подтверждено химическими анализами монет. Тем не менее в статье Б. А. Романова оно нашло полное применение и даже переведено из предположительной формы в категорическую. Положения Н. П. Бауера о месте дирхема в русской системе сводятся к следующему. Первоначально на территории Древней Руси бытовал под названием куны выравненный в весовом и качественном отношении дирхем с лигатурным весом 2,86 г и содержанием чистого серебра в 2,46 г. Впоследствии, когда качество металла ухудшилось, старые дирхемы стали называться ногатами, и 20 таких дирхемов приравнивались к 25 новым худшим дирхемам, содержавшим 1,97 г серебра, за которыми осталось название «куна». Количество практически содержавшегося металла в счетной гривне Н. П. Бауера составляло 57,20 г. В отличие от дирхема, приходящий ему на смену денарий отличается

⁶⁵ Бауер Н. П. Указ. соч. С. 226.

⁶⁶ Романов Б. А. Деньги и денежное обращение.

⁶⁷ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. Госполитиздат. 1947.

исключительной чистотой серебра. Поэтому к нему мог быть впервые применен весовой критерий, причем, несмотря на приход денария с Запада, его вес удивительно точно совпадает со старыми нормами содержания чистого серебра в дирхеме.

Сложные построения Н. П. Бауера настолько расходятся с мнением ранее им же высказанным о слабости русского денежного обращения, что доверие к его выводам не возросло бы даже и в том случае, если бы свои теоретические выкладки он подкрепил массовым анализом веса и качества монет. Однако монеты им не были привлечены, и поэтому тем более нет никаких оснований присоединяться к его достаточно путаной концепции.

Интересующей нас проблеме посвятил небольшую статью А. Л. Монгайт, работа которого содержит критику построений И. И. Кауфмана. Однако А. Л. Монгайт не касается всей проблемы в целом, он допускает заимствование весовой нормы с арабского Востока и подвергает сомнению лишь конкретный вывод И. И. Кауфмана о том, что заимствованной величиной был именно иракский ратль в 96 золотников.

Анализируя вес русских гирек, А. Л. Монгайт пришел к выводу, что в основе его лежит так называемый легальный дирхем весом в 3,97 г, а сами гирьки «не являются частью какого-либо определенного ансыря, или, во всяком случае, не дают возможности установить его величину»⁶⁸. На основании сравнительного материала А. Л. Монгайт показал, что 96-золотниковый фунт мог проникнуть в Русь и с Запада позднее проникновения арабского дирхема. Однако и мнение А. Л. Монгайта вряд ли можно признать достаточно обоснованным. Утверждая, что рассмотренные им гирьки употреблялись для взвешивания монет, он не обратился к монетному весу и не доказал бытование в Восточной Европе реального дирхема весом в 3,97 г.

Краткий обзор литературы предмета показывает, что вопрос о происхождении русских весовых норм и денежно-весовых систем далеко еще не решен. Какую роль в русском обращении играла иноземная монета? К какому времени относится начало формирования русских денежно-весовых систем? Каково происхождение русской гривны? Что, наконец, мы должны понимать под кунами, ногатами, резанами? Коль скоро все эти вопросы не получили решения, вряд ли можно сколько-нибудь уверенно судить о состоянии и степени развития древнерусского денежного обращения.

Исследователь древнерусских денежно-весовых систем, таким образом, имеет дело со всей совокупностью спорных вопросов, которые встали перед исторической наукой еще в прошлом веке. Однако стремительное развитие науки в наши дни позволяет подойти к решению этих вопросов достаточно широко. Исторические и археологические работы последних лет позволили советским историкам воссоздать картину блестящего хозяйственного и культурного расцвета домонгольской Руси. К высокому развитию городского ремесла и товарного обращения Древней Руси вряд ли применимы те мерки, в которые втискивались представления о русском денежном обращении в трудах Д. И. Прозоровского, И. И. Кауфмана, В. К. Трутовского и Н. П. Бауера. Вполне анахронической представляется и общая тенденция относить начало формирования денежно-весовой системы Древней Руси только к X–XI вв.

Основой настоящего исследования является изучение массового монетного материала. Именно игнорирование самой монеты было постоянной причиной того, что любой вывод, предлагавшийся исследователями русских денежно-весовых систем, оставался дискуссионным. В течение длительного времени накопление нумизматических материалов шло мимо исследования русских денежно-весовых систем. Это было характерно до такой степени, что даже построения работавшего в Отделе нумизматики Эрмитажа Н. П. Бауера в части куфических монет не опирались на богатейшее собрание дирхемов этого музея.

Наименее трудоемким способом изучения массового нумизматического материала русского денежного обращения было бы метрологическое исследование монетных кладов; такое

⁶⁸ Монгайт А. Л. Рязанские гирьки. С. 69.

изучение было бы и наиболее правильным. Однако в современных условиях оно является совершенно невыполнимым. Несмотря на продолжительность топографической регистрации русских монетных кладов, начатой еще Х. Д. Френом в первой половине прошлого века, клады либо вовсе не сохранялись, либо шли на пополнение собраний. Не производилось и взвешивание монет. Поэтому исходный материал для исследования состоит в настоящее время из сравнительно небольшого количества целых кладов, поступивших в музеи уже в советское время, и из громадных количеств обезличенных монет в коллекциях, которые составлялись в основном за счет тех же русских монетных кладов. Примесь монет, поступивших в музейные собрания из других источников, совершенно незначительна и практически растворяется среди монет, происходящих из русских находок.

Вынужденная необходимость обращаться главным образом к коллекциям монет, а не ккладам, к совокупности монет, в которой клады смешаны и растворены друг в друге, не позволяет в настоящее время исследовать частные особенности денежного обращения отдельных небольших областей Древней Руси. Основной нашей задачей поэтому является исследование тех закономерностей, которые были присущи для обращения всей Восточной Европы в целом или обращения ее достаточно обширных областей.

В предлагаемой работе учтены весовые данные более 30 000 монет таких коллекций. Вполне понятно, что для работы над беспаспортными материалами необходимо было преодолеть их обезличенность. С этой целью было предпринято параллельное хронологическое исследование монет русского денежного обращения, для чего были привлечены сведения о составе многочисленных кладов, описанных в литературе и в каталогах музеев. Только после того как на основе изученных кладов удалось установить, какие именно виды монет характерны для разных периодов обращения, и выяснить, как происходит смена одних групп другими, стало возможным привлечь и беспаспортный материал для метрологического исследования, разделив его на хронологические группы.

Деление материала на хронологические группы направлено против антиисторического приема притаскивания отдельных фактов для объяснения таких явлений, которые имели длительный характер или значительно отстояли во времени от этих фактов. С таким приемом во многих названных выше работах приходится иметь дело постоянно. В особенности это относится к ходячим представлениям о норме дирхема. Для И. И. Кауфмана, например, нормы, полученные на материале одних только омейядских монет, были несомненными нормами любого дирхема, тогда как Н. П. Бауер придавал исключительное значение именно весовой пестроте дирхема уже в IX в. Правильное представление об эволюции веса монет может дать только хронологическое изучение большого их количества.

Поскольку к весовым нормам монетных групп в дальнейшем нам придется обращаться постоянно, следует остановиться на очень распространенном в нумизматике и метрологии методе «среднего веса». Этот метод, сыгравший большую роль в развитии монетной метрологии, вполне применим в определенных случаях к средневековым монетам, чеканившимся по способу «ал-марко». Теоретическая весовая норма отдельной монеты при этом способе чеканки совпадает с нормой среднего веса всей партии монет одного выпуска. Она вообще может быть открыта только при помощи подсчета среднего веса массы однородных монет. Однако исчисление средних цифр теряет весь свой смысл, будучи применено к таким монетам, которые сохраняют постоянство типа на протяжении длительного времени, обращаясь вне выпускавшего их государства. Это целиком и полностью относится к дирхему. Консервативное постоянство типа монет, которые в силу чеканки по способу «ал-марко» отличаются известной весовой пестротой, по существу и вызывается исключительно нормами внутреннего обращения того общества, государственные власти которого чеканят монету. Если во внутреннем обращении, например государства Бувейхидов, дирхемы, чеканенные одной парой штемпелей, но имевшие значительные весовые различия, могли восприниматься как равноценные

монеты, то на международном рынке они вообще переставали быть дирхемами. В права вступали их объективные показатели. Только эти объективные показатели веса монеты и качества ее металла определяли место иноземной монеты и во внутреннем обращении усвоившего ее общества.

Когда внешне одинаковые, но различающиеся по весу иноземные монеты вступают в столкновение с местными нормами денежного обращения, они в нем могут выполнять роль уже нескольких разных «номиналов». Как увидим далее, в определенный период вес дирхема мог колебаться от 2,5 до 6 г. В этих пределах уместятся русские денежно-весовые нормы и куны, и ногаты, и двух кун. Поэтому вполне закономерна попытка выделить во внешне однообразном монетном материале различные группы «номиналов» и выяснить, в чем заключалось своеобразие этих групп. Ясно, что оно не будет уловлено, если мы будем исчислять среднюю норму по всей массе материала, который в данном случае представляет смесь разновесных монет.

К исследованию монетной метрологии полностью применима та характеристика, которую дал средним цифрам В. И. Ленин. Он называл их «общими и огульными» и указывал, что они «имеют совершенно фиктивное значение»⁶⁹. Действительно, если ходячие монеты, несмотря на внешнее сходство, могли представлять в русском обращении единицы с разными местными наименованиями, т. е. разные номиналы, то цифры, характеризующие их средний вес, окажутся безликими и «имеющими совершенно фиктивное значение». Они ничем не помогут исследователю закономерностей того обращения, которое пользовалось иноземной монетой.

В настоящей работе методика исследования весовой метрологии массового монетного материала иная. После взвешивания однородных монет экземпляры с одинаковым весом объединяются в группы и подсчитываются. Эти группы окажутся однородными уже и в весовом отношении. Если внешне одинаковые монеты в процессе древнего обращения проходили известную сортировку по нормам местного обращения и включают в свой состав различные местные «номиналы», то последние найдут соответствие и в наших механически выделенных весовых группах.

Для удобства фиксирования статистических данных в работе применяются графические таблицы-диаграммы. Схема диаграмм при этом следующая: по горизонтали располагается весовая шкала (с точностью до 0,1 г для монет и до 1,0 г для слитков), по вертикали – количественная шкала. Кривая, построенная при соответствующем размещении материала, демонстрирует метрологическое его единство или существование в нем каких-либо разнородных групп, закономерность или случайность тех или иных отклонений от обычных весовых норм, позволяет выделить группы монет с наиболее часто повторяющимся весом и т. д.

При этом способе исследования не представляет практических затруднений потертость некоторых монет, которая всегда влияет на исчисление среднего веса. При исчислении последнего исследователь имеет дело только с одним показателем, к которому делается та или иная надбавка на потертость монет. Понятно, что такая надбавка может быть в значительной степени произвольной. При графическом исследовании массы монет норма денежного веса характеризуется двумя показателями, между которыми заключена вся группа метрологически однородных монет. Значительная часть их отличается хорошей сохранностью, что в применении к интересующему нас времени было подмечено еще П. Г. Любомировым⁷⁰. Поэтому теоретическая норма монетного веса при всех условиях бывает заключена в пределах той же амплитуды фактического колебания веса массы метрологически однородных монет.

⁶⁹ Ленин В. И. Соч. Т. 3. С. 120.

⁷⁰ Любомиров П. Г. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII–XI вв. // Уч. зап. Гос. Саратов. ун-та. Т. I. Вып. 3. Саратов, 1923. С. 10.

При изучении веса слитков применена та же методика, но здесь приходится учесть некоторые дополнительные соображения. Главной особенностью веса древнерусских денежных слитков является то, что в большинстве своем они оказываются несколько легче своих теоретических норм. Эту особенность Г. Б. Федоров объяснял постепенным падением веса слитков в силу известных экономических законов. «За два столетия своего существования, – пишет Г. Б. Федоров, – серебряная гривна упала в весе с 48 золотников (204,756 г) до 45,5 золотников (195 г), т. е. более чем на 9 грамм, или на 4,6 %, что является обычным процентом падения для монетных единиц средневековой монетной системы»⁷¹. Однако наблюдения над весом слитков XII, XIII и XIV столетий показывают, что относительная пестрота веса свойственна русскому денежному слитку на всем протяжении его существования. Более того, массовое взвешивание, результаты которого рассматриваются ниже, убеждает, что никакого движения весовых норм слитков не существовало вплоть до начала русской монетной чеканки во второй половине XIV в. Не обоснованы соображения Г. Б. Федорова и теоретически: падение величины денежных единиц на Западе, с которым знаком каждый историк и экономист, было обусловлено наличием в обращении мелкой металлической чеканенной монеты. Отклонение денежных единиц от весовых, о котором говорит Г. Б. Федоров, Маркс объяснял стиранием и фальсификацией именно монеты, падение веса которой влечет за собой падение и основных единиц денежных систем. На Руси безмонетного периода эти условия отсутствовали.

Постоянное отклонение фактического веса слитков от их теоретической нормы вызывалось причинами технологического порядка. В русском обращении слиток – явление более позднее, нежели иноземная монета. Он возник как реальная форма древней денежной единицы, первоначально имевшей счетный характер. При литье слитки могли дозироваться в основном только определенным количеством серебра, которое обращалось в виде мелких денежных единиц. Иными словами, денежный слиток должен быть эквивалентен существовавшему до плавки определенному количеству весового серебра. Поскольку превращаемое в слиток количество серебра шло через тигель литейщика, серебро слитка, оставаясь эквивалентным взятому первоначально количеству, теряло известную часть своего веса, благодаря неизбежному угару при плавке. Величина же угара в каждом случае определяется качеством исходного материала, но плавка без угара невозможна.

Если весовая норма однородной группы монет заключена в пределах колебания веса основной массы этих монет, то норма слитка всегда находится за пределами этого колебания. Надбавку в весе следует делать даже к наиболее тяжелым слиткам, разумеется, считаясь при этом и с весьма низким «классом точности» древних весов.

С этой точки зрения неприемлемой представляется методика Н. П. Бауера и Б. А. Романова, в основе метрологических концепций которых лежит исчисление среднего веса слитков.

Хронологический анализ и массовое взвешивание монет и слитков дают возможность установить те весовые нормы денежного обращения, которые были закономерными для различных этапов развития русских денежно-весовых систем. Правильность исчисления этих норм может быть подтверждена тем, что в своей совокупности они рисуют картину исторически закономерного развития. Сама логика развития русских денежно-весовых систем, таким образом, служит важным подтверждающим аргументом.

Однако какой бы стройной ни казалась реконструируемая нами система внутреннего развития денежно-весовых единиц, она будет оставаться спорной до тех пор, пока не будет подтверждена и другими современными материалами нумизматического характера. К числу последних относятся, в первую очередь, привлекаемые нами весовые гири, которые обслуживали рассматриваемое монетное обращение. Широкий круг нумизматических источ-

⁷¹ Федоров Г. Б. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I // Матлы и исслед. по археол. СССР. № 12. М.; Л., 1949. С. 148.

ников составляют памятники письменности, содержащие различные сведения о денежном обращении и денежных системах. Роль документов не исчерпывается проверкой выводов, полученных при исследовании вещественного материала. Именно они знакомят нас с терминологией денежного хозяйства и с устройством систем денежного счета. Памятники письма дают в руки исследователя необходимые инструменты, с которыми он приступает к изучению вещественных источников.

С анализа письменных сведений мы и начинаем исследование нашей темы.

Глава II

Денежная терминология и денежный счет домонгольской Руси

Денежное обращение и денежные системы Древней Руси уже в самых ранних русских памятниках письменности предстают перед исследователем как явления сложившиеся и имеющие значительную давность.

Говоря о деньгах и денежных единицах, начальная русская летопись и древнейший русский юридический памятник – Русская Правда имеют дело не только с терминами живыми, сохраняющими свое значение и в последующие века русской истории, но отчасти и с терминами явно пережиточными. Последнее касается, в первую очередь, собирательного термина «скот», равнозначного современному «деньги». В этом смысле слово «скот» четыре раза встречается в первой части краткой редакции Русской Правды⁷², один раз в летописи⁷³, один раз в Мирном договоре Новгорода с Готским берегом (1189–1199 гг.)⁷⁴ и несколько раз в памятниках переводной литературы⁷⁵.

Пережиточность термина «скот» подтверждается как крайней редкостью употребления его в источниках, предпочитавших пользоваться термином «куны», так и неоднократными заменами его последним в позднейших редакциях древних текстов. Такими же пережиточными являются и производные от «скот» понятия «скотница» (казна), «скотолубие» (сребролюбие)⁷⁶.

Этимология термина «скот» допускает заманчивую возможность видеть в нем указание на очень отдаленный период употребления восточными славянами скота в качестве товаро-денег. Однако вряд ли можно настаивать на таком предположении. Существование в древнейшей Восточной Европе условий, при которых скот мог выполнять роль средства обращения, никем не доказано. Кроме того, во всех отмеченных случаях термин «скот», хотя применяется и к деньгам, но, по-видимому, не имеет ограничительного значения. В контекстах он может быть переведен более точно как «имущество», «достояние», «казна». Точно такие же понятия (в том числе и понятие «деньги») в древнескандинавском языке выражает термин *skattr*, в англосаксонском – *skeatt*, в древнесаксонском – *skat*, в древнем верхненемецком – *seaz*⁷⁷. В современном немецком языке им соответствует слово *Schatz*, производное от того же корня. Нужно полагать, что все эти термины восходят к древнему индоевропейскому термину, который был собирательным для обозначения разных видов имущества и богатства, а в позднейшем русском языке сохранился лишь в ограничительном применении к одному из главнейших видов имущества и богатства – домашнему скоту. Процесс ограничения этого термина мы, по-видимому, и наблюдаем в упомянутых текстах.

Однако и те единицы денежно-весовой системы, которые не были пережиточными в XI–XIII вв. – в первую очередь, куна и гривна, не являются понятиями, только что сформировавшимися. Их терминология, а следовательно, и начало употребления значительно древнее самих письменных памятников Киевской Руси.

⁷² Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 78–79, ст. 14, 15, 17.

⁷³ ПСРЛ. Т. I. С. 143, под 6526 г.

⁷⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 56, грамота № 28.

⁷⁵ Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Приложения // Чтения общ. люб. ист. и древн. Росс. 1894. Кн. II. С. 66; Дурново Н. Матлы и исслед. по старинной литературе. К истории повести об Акире. М., 1915. С. 108.

⁷⁶ Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 188.

⁷⁷ Там же. С. 191.

Термин «гривна», служивший для обозначения высшей единицы денежно-весовой системы, известен не только в языках восточных славян. Им пользовались для обозначения и денежной, и весовой единицы западные и южные славяне. Он одинаково хорошо известен полякам, чехам, литовцам⁷⁸. Значительным распространением пользуется и термин «куна», который бытовал не только в Восточной Европе, но и на Балканах, в частности у хорват⁷⁹. По-хорватски «куна» также имеет значение «куница». Интересно отметить, что в средневековой Хорватии воспоминание об этом термине проявляется в изображении на монетах куницы, ставшей геральдической эмблемой, а в период Второй мировой войны термин «куна» был возрожден националистическим правительством Хорватии для обозначения выпущенных им кредиток.

Общность основных древних денежных терминов у разных славянских народов не является результатом общения этих народов в летописные времена, когда процессы развития феодализма вели к экономическому и политическому дроблению, а развитие местных производительных сил замыкало товарные связи производителей в пределах сравнительно небольших областей. В условиях раннего феодализма преобладающую роль в товарном обращении первоначально имеют внешние торговые связи, значение которых ослабевает с развитием внутренних производительных сил. Это затухание значения внешней торговли для славянских народов в связи с их собственным экономическим развитием, как будет показано ниже, всецело проявляется ко времени возникновения первых славянских письменных памятников.

Денежные системы не складываются раз и навсегда. Сформировавшись в основных чертах, они претерпевают дальнейшее развитие; большая или меньшая ясность вопроса о денежных единицах летописного периода еще не позволяет решить проблему происхождения и первоначальной структуры русских денежно-весовых систем, а отсутствие взаимопроверяемых данных долетописного времени не дает возможности начать изучение их истории непосредственно со времени их возникновения. Однако, опираясь на данные денежных систем XI–XIII вв., являющихся уже результатом известного развития, мы можем судить об основных тенденциях этого развития и о наличии в поздних системах несомненно древних элементов.

Древнейшие русские письменные памятники знают пять элементов денежной системы: гривну, куну, ногату, резану, веверицу. Последняя часто фигурирует в источниках под наименованием векша. Специфический характер основного нашего источника для изучения древнерусского денежного счета – Русской Правды – позволяет выяснить взаимоотношение этих единиц, не прибегая к синтезу разнородных свидетельств, что, конечно, не только облегчает расчеты, но и делает их наиболее достоверными.

Важнейшими элементами денежной системы Древней Руси времен Русской Правды были гривна и куна. Первая является высшей единицей системы, все остальные единицы были ее фракциями. Куна, являясь одной из мелких единиц системы, дала наименование и собирательному понятию «куны» – деньги. Аналогии из истории других денежно-весовых систем показывают, что подобные собирательные названия могут соответствовать либо основному материалу денежного обращения (ср. франц. *argent*, русск. «сребро»), либо одной из единиц системы, наиболее употребительной в практике денежного обращения (русск. «деньги», укр. «гроши»), либо, наконец, отражать понятие «монета» (англ. *money*). Ниже мы постараемся показать, что собирательное наименование «куны» усвоило не только русское название наиболее распространенной денежной единицы, но и термин, служивший для обозначения монеты вообще.

⁷⁸ Шодуар С. Обзорение русских денег и т. д. Ч. I. СПб., 1837. С. 21; Аристов Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866. С. 237; Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910. С. 16; Святловский В. В. Прimitивно-торговое государство как форма быта // Зап. Ист. – филол. ф-та СПб. ун-та. Ч. CXVIII. СПб., 1914. С. 94; Гусаков А. Д. О некоторых явлениях в денежном обращении древней Руси // Изв. АН СССР. Отд. экон. и права. № 3. М., 1946. С. 235.

⁷⁹ Ciro Truhelka. Slavonski banovci. Sarajevo, 1897. S. 45 и сл.

Остальные названия фракций гривны употребляются реже, что особенно наглядно демонстрирует летопись, имевшая дело главным образом с куной и гривной. Соотношение единиц в гривенной системе после работ П. С. Казанского⁸⁰ и П. Н. Мрочек-Дроздовского⁸¹ может считаться выясненным окончательно. В основу расчета обоими исследователями были положены две статьи Краткой Правды: статья о возмещении за скотину⁸² и так называемый Покон (Поклон) вирный⁸³.

Первая статья содержит расценки, выраженные в разных единицах, но сохраняющие последовательность от более крупных сумм к более мелким: за коня – 2 гривны, за кобылу – 60 резан, за вола – гривна, за корову – 40 резан, за третьяка – 15 кун, за лоньщину – 1/2 гривны, за теля – 5 резан, за яря и барана – ногата. Иными словами: 2 гривны больше 60 резан; 60 резан больше гривны; гривна больше 40 резан; 40 резан больше 15 кун; 15 кун больше 1/2 гривны; 1/2 гривны больше 5 резан; 5 резан больше ногаты. Отсюда следует, что резан в гривне больше, чем 40, но меньше 60, а кун больше 15, но меньше 30; в гривне больше 8 ногат. Допустив – до дальнейшей проверки, что в гривне содержалось круглое число фракций, мы получаем, что гривна = 50 резанам = 20 или 25 кунам = 10 или 15 или 20 ногатам.

«Покон вирный» позволяет установить, что в куне содержалось 2 резаны. В этой статье регламентируется размер сбора виры и норма довольствия вирника: «А се покон вирный: вирнику взяти 7 ведор солоду на неделю, тѣже овен любо полоть, или две ногате, а в среду резану, въже сыры, в пятницу тако же; а хлеба по кольку могутъ ясти, и пшена; а кур по двое на день; коне 4 поставити и сути им на рот, колько могутъ зобати; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 веверици; а переде гривна; или ся пригоди в говение рыбами, то взяти за рыбы 7 резан; тѣ всех кун 15 кун на неделю, а борошна колько могутъ изьясти; до недели же виру сберуть вирници; то ти урок Ярославль»⁸⁴.

Исчисление общей суммы денежного довольствия в недели поста дает здесь возможность выяснить соотношение резаны и куны, т. к. сумма выражена в кунах, а слагаемые – в резанах. При оплате работы вирника учтены, по-видимому, шесть дней; седьмой день – воскресенье – является нерабочим. Из шести дней отличны среда и пятница, в которые пост усиливается. В среды и пятницы мясоедов «Покон» назначает вирнику плату в одну резану. Та же плата сохраняется и в постные недели, т. к. в «Поконе» каких-либо отличий не оговорено. В остальные четыре дня постной недели устанавливается рыбный корм, или по 7 резан в день. В течение недели работа должна быть окончена; воскресенье, по-видимому, назначается для переездов. В сумме недельная плата выражается в 30 резанах (7 X 4) + (1 X 2), которые в самом памятнике обозначены как 15 кун. Отсюда: куна = двум резанам, а гривна = 25 кунам = 50 резанам.

⁸⁰ Казанский П. С. Исследования о древней русской монетной системе // Зап. АО. Т. III. СПб., 1851. См. также: Т. VI. СПб., 1855 (ч. 2).

⁸¹ Мрочек-Дроздовский П. Н. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды.

⁸² Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 82, ст. 25, 26.

⁸³ Там же. Ст. 42.

⁸⁴ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 82.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.